

С. А. РЕЙСЕР

КРАСНЫЙ ФЛАГ В РОССИИ

Кто там машет красным флагом?

А. Блок.

I

Красный флаг в качестве эмблемы революции родился, как это признано всеми исследователями, во Франции.¹

Первоначально, вывешенный в окне ратуши, он обозначал предупреждение, что толпа будет разогнана правительственными войсками силою оружия, т. е. что прольется кровь.

Постепенно, но вскоре после расстрела народа на Марсовом поле Парижа 17 июля 1791 г., стал возникать новый смысл этого орошенного невинной кровью сигнального флага. К 1794 г. он был воспринят народом уже в своем противоположном значении — война царской власти.

Вот что пишет по этому поводу Жан Жорес: «В какой именно момент революционному народу пришла мысль сделать знамя военного положения своим собственным знаменем и обратить его против своих врагов? По-видимому, это произошло около 20 июня 1792 г. Когда Шометт рассказывает в своих мемуарах о приготовлениях к 20 июня, когда он указывает на то, что граждане Сент-Антуанского предместья и предместья Сен-Марсо, „гордясь тем, что аристократы в кружевных уборах называют их санкюлотами“, готовились отправиться к королю, чтобы добиться от него утверждения декретов, он прибавляет: „...самые пылкие и просвещенные патриоты сходились в клубе Кордильеров, а затем проводили ночи вместе, чтобы сговориться между собою. В одном из Комитетов было изготовлено красное знамя с надписью: «Чрезвычайный военный суд народа против бунта Двора», и под этим красным знаменем должны были объединиться свободные люди, истинные республиканцы, те, кто стремился отомстить за смерть друга, сына, родственника, убитых на

¹ Gabriel Perreux. Les origines du drapeau rouge en France. Paris, 1930.

Марсовом поле 17 июля 1791 г.". С другой стороны, Карра, рассказывая о приготовлениях уже не к 20 июля, а к 10 августа, пишет: „В этой харчевне у Золотого Солнца, где собирався Центральный комитет, подготовлявший восстание, Фурнье-Американец принес нам красное знамя, на котором, по моему предложению, были написаны следующие слова: «Чрезвычайный военный суд державного народа против бунта исполнительной власти»...". Итак, мысль о том, чтобы сделать красное знамя своим собственным знаменем, по-видимому, пришла народу до 20 июня, как только началась эра народных движений против королевской власти. Но, по-видимому, красное знамя не было развернуто 20 июня или потому, что не хватило времени изготовить достаточное количество красных знамен с революционными надписями, или, скорее, потому, что <мэр Парижа> Петион, старавшийся легализовать движение 20 июля, побудил своих друзей отказаться от того, чтобы развернуть его. Но эта мысль удержалась, и 10 августа красное знамя развевалось там и сям над революционными колоннами... Итак, красное знамя означало нечто большее, чем месть. Оно не являлось знаменем репрессий. Это было великолепное знамя новой власти, сознающей свое право, и поэтому с тех пор всякий раз, когда пролетариат будет выражать свою силу и свою надежду, в руках пролетариев будет развеваться красное знамя».²

Все же надо ясно представлять себе, как совершенно справедливо пишет Б. Г. Реизов, что «не было „красных знамен 1793 г.". Французская революция выступала под знаменем, в котором к традиционному белому цвету королевского флага были присоединены красный и синий цвета города Парижа».³

Окончательно эта революционная символика была закреплена на похоронах генерала Максимилиана Ламарка 5 июня 1832 г. Гейне описал это знамя: красное, с черной каймой, с надписью черными буквами: «La liberté ou la mort!».⁴

В словаре французского языка политическое значение слово «Les rouges» приобрело довольно рано, уже в середине 1790-х годов, очевидно, по связи с флагом.⁵

Нет, однако, ничего неправдоподобного в предположении, что совершенно независимо от Франции и гораздо раньше красный флаг в качестве эмблемы крестьянского восстания употреблялся у разных народов.

² Жан Жорес. История Великой французской революции, т. 2. Перев. с франц. А. М. Водена, Госиздат, М., 1924, стр. 388—389.

³ Б. Г. Реизов. Почему Стендаль назвал свой роман «Красное и черное». — «Новый мир», 1956, № 8, стр. 276.

⁴ Г. Гейне. Французские дела. — В кн. Г.: Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1936, стр. 147.

⁵ К. Н. Державин. Борьба классов и партий в языке Великой Французской революции. — Сб. «Язык и литература», т. 2, вып. 1, Л., 1927, стр. 52—53.

Не нужно обращаться ни к какой символике цветов, чтобы возникла ассоциация красного цвета с кровью, т. е. с тем, что неизбежно в борьбе эксплуатируемых с эксплуататорами; восстание против помещиков связано с пожарами — опять-таки с красным цветом. Недаром «Большая советская энциклопедия» отмечает, что антифеодальные восстания в Персии в VIII в. назывались «сурх алем», т. е. «красное знамя».⁶

Точно так же нет ничего невозможного и в гипотезе, что в Западной Европе XVI в. функция красного знамени в крестьянских восстаниях была та же.⁷

II

Нас интересует, однако, сейчас не история красного знамени вообще, а история его в России. Имеющиеся по этому вопросу заметки не могут быть признаны достаточными.⁸

Красный цвет в качестве символа оппозиции, восходя к Франции, очень рано приобрел оттенок вольнодумства, т. е. революционности.

В рассказе о беспорядках в Семеновском полку в 1820 г. Ф. Ф. Вигель, характеризуя русское общественное мнение после Отечественной войны, пишет: «Я видел, как прежний розовый цвет либерализма стал густеть и к осени переходить в кроваво-красный, каким он ныне на Западе».⁹ Записки Вигеля начали печататься в 1864 г., но писались гораздо раньше.

Тот же оттенок неблагонадежности красного цвета фиксирует Пушкин в стихотворении 1828 г. — «В. С. Филимонову, при получении поэмы его „Дурацкий колпак“»:

Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет...¹⁰

Для русского восприятия красного, т. е. революционного, цвета стоит напомнить еще несколько фактов.

В августе 1830 г. О. Барбье написал знаменитое стихотворение «La cigée». В конце 1850-х годов (по предположению Л. Я. Гинзбург, в 1856—1857 гг.) В. Г. Бенедиктов перевел это

⁶ Большая советская энциклопедия, т. 23, изд. 2-е, 1953, стр. 256.

⁷ Там же.

⁸ А. Сигнев. Как создавался государственный флаг нашей родины. — «Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 211—215; П. Ф. Максашев. Когда впервые в России было поднято красное знамя. — Там же, 1965, № 3, стр. 206—207.

⁹ Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. 6. М., 1892, стр. 16.

¹⁰ В стихотворении Лермонтова «Опять вы, гордые, восстали...» (1830 г.) упоминается «снова знамя вольности кровавой». В сопоставлении с одной из следующих строк — «Суворов был его сильнейший враг» невольно возникает предположение, что имеется в виду красный флаг.

стихотворение под заглавием «Собачий пир».¹¹ Оно быстро стало достоянием «вольной» поэзии, широчайшим образом распространилось по России в копиях (одну из них в Саратове 2 сентября 1857 г. с наслаждением слушал Т. Г. Шевченко). В 1861 г. этот текст появился уже в «Русской потаенной литературе XIX столетия», составленной Н. П. Огаревым в Лондоне.¹² В переводе Бенедиктова есть такие строки:

Свобода — женщина с широким, твердым шагом,
Со взором огневым,
Под гордо веющим по ветру красным флагом,
Под дымом боевым. . .

Выделенной курсивом строки в подлиннике нет. Более того: и раньше и позже в стихотворении упоминаются «Tricolores flammes» и «écharpe aux trois couleurs», т. е. трехцветные кокарды и трехцветные шарфы. Под трехцветным (сине-бело-красным) знаменем и проходила революция 1830 г. В картине Э. Делакруа «Свобода на баррикадах» (Лувр) изображен именно трехцветный флаг.

Важно отметить, что отсебятина Бенедиктова (ее нет, например, в переводах В. П. Буренина или Д. Д. Минаева) была возможна только в том случае, если читатель знал, что такое красный флаг, и понимал его значение в революционной борьбе. Значит, к концу 1850-х годов этот символ был уже широко распространен.

Однако оказывается, что он был распространен раньше. 1—2 декабря 1840 г. С. Т. Аксаков из Петербурга взволнованно писал своему сыну К. С. в Москву: «Вообрази, мой милый Костя, что над флигелем, где живет Белинский, развевается красный флаг. Причины не могу добиться».¹³ Если Аксаков не мог добиться причины, то что значит красный флаг, он, конечно, знал.

Белинский жил в это время на Васильевском острове, по 2-й линии, в доме № 4 тогдашней нумерации, в кв. № 7 — она была во дворе, во флигеле.¹⁴ Раз во флигеле — значит, вероятно, на улице флаг виден не был, но все же нужно было решиться повесить его и во дворе.

М. Г. Карташевская 10 мая 1846 г. писала сестре о Е. Семейной, что артистка «на голове вывесила . . . какое-то знамя

¹¹ В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., 1939, стр. 328—329 («Библиотека поэта», большая серия); какой-то перевод этого стихотворения был запрещен цензурой уже в 1832 г. (там же).

¹² Русская потаенная литература XIX столетия. . . , ч. I. Лондон, 1861, стр. 350—354.

¹³ Литературное наследство, № 56, 1950, стр. 146.

¹⁴ С. А. Рейсер. Революционные демократы в Петербурге. Ленинград, 1957, стр. 18, 161. Дом не сохранился; теперь на его месте дом № 3 (нумерация с 1846 г. изменилась).

мщения, какой-то кирпичного цвету шарф».¹⁵ Здесь снова специфическое восприятие красного цвета как символа восстания.

В письме к Станиславу Ворцелю (22 декабря н. ст. 1854 г.) Герцен писал: «Ваше знамя — наше знамя, по счастливой случайности, это знамя красное».¹⁶ Речь, очевидно, идет о том, что знамя Польши — бело-красное. Значит, своим знаменем Герцен, в это время, считает именно красное знамя в его специфическом значении.

Впрочем, в литературе о Герцене уже было отмечено, что прилагательное «красный» еще раньше имело у него именно такой смысл. Анализируя «С того берега» (1850), М. К. Максимова отмечает ряд случаев: «красные апостолы», «красные розы для республики»; в «Письмах из Франции и Италии» (1850) «красная республика», «красные республиканцы» и «красный призрак», «красная обстановка» («Былое и думы», с 1852 г.), «я заметил это и стал говорить на четыре градуса краснее».¹⁷ Все это свидетельствует, что значение слова в сознании Герцена было прочным и устоявшимся; это особенно ясно при сопоставлении с прилагательным «белый» в значении «реакционный».¹⁸ И все же «красный» надо было выделять курсивом в качестве терминологического неологизма: курсив в те годы был равнозначен теперешним кавычкам.

Вскоре уже красный флаг не вызывал никаких иных ассоциаций, кроме революционных. Напечатанный в 1856 г. роман Тургенева «Рудин» заканчивался рассказом о том, как герой погиб 26 июня 1848 г. с красным знаменем в руках: этот факт воспринимался как нечто всем понятное и не требующее объяснений.

В № 3 «Современника» за 1861 г. Добролюбов напечатал корреспонденцию «Из Турина». В ней, между прочим, читаем: «Если где и казалось вероятным избрание какого-нибудь радикала, то стоило министерской партии описать его как *красного*...».¹⁹ Как видим, и в этом случае, слово «красный» тоже выделено.

Точно так же и читателю другого романа Тургенева, «Отцы и дети», нужно было оттенять значение этого слова. В главе 10 Николай Петрович Кирсанов говорит брату: «...крестьян устроил, ферму завел, так что даже меня во всей губернии *красным* величают». Действие романа отнесено автором к 1859 г.

¹⁵ И. Медведева. Екатерина Семенова. Изд. «Искусство», М., 1964, стр. 270. Ср. у Ап. Григорьева в стих. «Когда колокола торжественно звучат» (1846) — «Народной вольности завевает красный стяг».

¹⁶ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XXV, М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 221.

¹⁷ Курсив А. И. Герцена.

¹⁸ М. К. Максимова. Общественно-политическая лексика А. И. Герцена. По материалам писем «С того берега». — Ученые записки ЛГПИ, т. 104, 1955, стр. 274—276 (все примеры заимствованы из этой статьи).

¹⁹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. VII, 1963, стр. 16.

Таким образом, материал подтверждает тот вывод, который сформулирован новейшим исследователем: «Под несомненным воздействием западноевропейской политической терминологии, особенно французской, отложились с середины XIX в. новые символично-политические осмысления в прил. красный» и т. д.²⁰

III

Так обстоит дело с историей понятия «красный флаг» в русской литературе первой и начала второй половины XIX в.

Другой вопрос: когда красное знамя в качестве символа протеста проникло в широкие народные, точнее в крестьянские, массы.

Опять-таки нет ничего невозможного в спонтанном возникновении этой эмблемы (ср., например, красный флаг на железнодорожном транспорте как знак опасности).

Народное обозначение пожара — «пустить красного петуха», когда крестьяне расправлялись с помещиками, семантически объединяло цвет с самим фактом борьбы.

Смоченная кровью красная тряпка, кумач или красное полотнище, поднятые на шесте, сами собою могли стать призывом, объединяющим восставшую толпу.

В этом смысле очень интересна поговорка, занесенная Далем в словарь под словом «красный». «Что тебе тутотка доспелось, красному?» — цитирует Даль и поясняет: «... а в переводе с французского — отъявленный республиканец».²¹ Вероятно, значение «республиканец» привнесено самим Далем: народ воспринимал не образ правления, а именно оттенок протестантизма. Это могло произойти под влиянием, например, уловленных дворовыми барских рассказов, могло иметь и какие-то иные источники.

Даль собирал материалы для своего словаря много лет; во всяком случае, в самом начале 1850-х годов Академия наук уже приобретала у него некоторые части его записей (см. его предисловие к т. I «Словаря»). Значит, бытование этой поговорки смело можно отнести к 1840—1850-м годам, а вероятно, и к более раннему времени.

До сих пор первой датой, зафиксированной в научной литературе (см. названную выше заметку П. Ф. Максашева), считалось использование красного флага в мае 1861 г., во время крестьян-

²⁰ Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 172. См.: там же, стр. 526 (материал из «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского и романа Б. М. Маркевича «Перелом»). Дополнительно можно указать «красные убеждения» в главе 28 «Загадочного человека» Лескова (1870 г.), красных в «Помпадурах и помпадуршах» Салтыкова-Щедрина (1863 г. и сл.), «красный бунт» в «Дневнике писателя» Достоевского (май 1876 г.).

²¹ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1865, стр. 794.

ских волнений в селе Кандеевке Керенского уезда Пензенской губернии, зверски подавленных генералом А. М. Дренякиным.

Адъютант Дренякина, С. Худеков, так описывает процессию крестьян: «На высокий шест, изображавший знамя, был привешен красный большой платок, и в таком виде этот символ крестьянской неурядицы²² развозили по селениям. За этим оригинальным поездом шли массы крестьян, баб и детей».²³

Раз шли — значит, народ усвоил значение символа.

Сам Дренякин тоже описал это событие: «... временно-отпускной лейб-гвардии Егерского <по другому источнику — Гатчинского> полка Василий Горячев ... возивший на шесте по селам и весям сочиненное им из красного кумача знамя воли».²⁴

У нас есть кое-какие сведения о Василии Антонове Горячеве. Крестьянин села Троицкого 26 лет, он имел бронзовую медаль на андреевской ленте в память войны 1853—1854 гг., значит, прослужил не менее 9 лет, а вероятно, больше. По закону временно-отпускными могли быть рядовые, от 15 лет «совершенно усердно-беспорочной службы».²⁵ Едва ли он был взят в рекруты в возрасте 11 лет, но вполне мог быть сдан в 15—16. В Кандеевке он говорил, что «надо стоять за мужиков», что «народ уговаривать нечего, он работать <на помещиков> не станет». Он был лишен воинского звания, наказан 700 ударами шпицрутенов и сослан в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.²⁶ Трудно поверить, что красное знамя действительно было, как думает Дренякин, «сочинено» им. Служба в столице, в привилегированном гвардейском полку, очевидно, дала ему какие-то знания. Он вполне мог слышать, например, разговоры о революции 1848 г. во Франции, объединившей борцов под красным флагом.

Однако мы имеем возможность отодвинуть первую дату появления красного знамени в крестьянских восстаниях еще на несколько лет назад.

В 1859 г. в России возникло так называемое «резвонное движение». Крестьяне в торжественной обстановке давали зарок не употреблять хлебное вино, коллективно устанавливали довольно строгие наказания за нарушение обета и т. д. Это движение, направленное против откупов и приносившее государству немалые

²² Разрядка моя, — С. Р.

²³ С. Худеков. Бунт в Кандеевке в 1861 году. — «Исторический вестник», 1881, № 12, стр. 775; ср.: Е. А. Мороховец. Крестьянское движение в России в 1861 году, после отмены крепостного права, ч. 1—2. М.—Л., 1949, стр. 145.

²⁴ А. М. Дренякин. Сказание о волнении крестьян в Кандеевке в 1861 г. — «Русская старина», 1885, № 4, стр. 141. — Разрядка моя, — С. Р.

²⁵ Свод военных постановлений, части 2-й книга 1-я. СПб., 1859, раздел 4, §§ 1649—1764, стр. 464—500; Энциклопедия военных и морских наук, под ред. Г. А. Леера, т. I. СПб., 1883, стр. 385—386.

²⁶ Е. А. Мороховец. Крестьянское движение в России в 1861 году, стр. 153—154.

убытки, охватило ряд губерний России. На этой почве начались волнения, подавлявшиеся войсками.

15 марта 1859 г. штаб-офицер корпуса жандармов в Тульской губернии генерал-майор Белоусов доносил шефу жандармов В. А. Долгорукову об участившихся случаях отказа крестьян прибегать к вину. «В иных местах наказание виновных <в пьянстве> делается при общей сходке. Собирается толпа, ставят на площади шест с привязанным к нему красным платком и около этого шеста наказывают провинившегося».²⁷

Красный флаг здесь, как видим, отчасти символ восстания против откупщиков, а в некоторой мере он стяг, под сенью которого наказывают провинившегося, т. е. что-то вроде символа возмездия.

Таким образом, когда на демонстрации у Казанского собора в Петербурге 6 декабря 1876 г. был поднят красный флаг, — это ни для кого не было непонятным. В «Правительственном вестнике» без каких бы то ни было комментариев было сообщено, что «молодой человек вынул из-за пазухи стоявшего около него крестьянского мальчика красный флаг с надписью крупными буквами „Земля и воля“ и махал им, продолжая кричать „ура“. При этом несколько человек, стоявших в центре группы, подняли на руки крестьянского мальчика, который тоже кричал „ура“, махая флагом».²⁸ (Значит, флагов было не менее двух).

Где-то на рубеже 1850-х и 1860-х годов красное знамя в качестве эмблемы политического неповиновения уже было прочно ассоциировано народными массами России.

Более чем вероятно, что дальнейшие разыскания отодвинут эту дату еще более вглубь.

²⁷ «Крестьянское движение в России в 1857—мае 1861 гг.», сборник документов под ред. С. Б. Окуня и К. В. Сивкова, Соцэкгиз, М., 1963, стр. 213—214.

²⁸ «Правительственный вестник», 1876, 9 декабря, № 276, стр. 3.